

Глава 24. Запах луосифэнь

Выйдя из ванной после умывания, Ся Гухань с первого взгляда заметил Гу Цзиньняня, стоявшего у кровати и смотревшего в телефон.

Почему-то Ся Гуханю показалось, что лицо старого призрака вдруг порозовело. Но разве призраки могут краснеть? Неуверенный, он направился к Гу Цзиньняню.

Услышав знакомые шаги, Гу Цзиньнянь поднял голову и, как ни в чём не бывало, убрал телефон.

— Что-то случилось? — спросил он.

Ся Гухань прищурился, окинув его подозрительным взглядом.

— На что это ты там смотрел?

— Новеллу, — невозмутимо ответил Гу Цзиньнянь. Он не соврал, просто в этот раз новелла несколько отличалась от предыдущих.

Ся Гухань с натяжкой поверил.

Ся Гуцзян, наблюдавший за ними, интуитивно почувствовал, что невольно стал причиной чего-то, что могло пошатнуть гармонию в их супружеских отношениях. Затаив дыхание, он проскользнул в ванную, притворяясь, что его здесь нет.

Когда он вышел, Ся Гухань уже был готов к выходу.

— Уже идём? — спросил Ся Гуцзян.

— Угу, — ответил Ся Гухань и, подумав, добавил: — Определи местоположение Сюй Сяя.

Ся Гуцзян подсознательно хотел возразить: «А ты сам не можешь?», но слова застряли у него в горле. Он уже предвидел невозмутимый ответ Ся Гуханя: «Мне лень».

Зная, чем всё кончится, Ся Гуцзян не стал спорить. Он покорно достал лист жёлтой бумаги и сложил из него бумажного журавлика. Только он хотел спросить Ся Гуханя, есть ли у него какая-нибудь вещь Сюй Сяя для привязки, как тот бросил ему фотографию.

Это был снимок Сюй Сяя.

Ся Гуцзян отчётливо ощутил на фотографии остаточную обиду Сюй Тинсянь, сконцентрированную в области глаз.

Он взял фотографию, и в следующую секунду та без огня самовозгорелась в его ладони, поднявшись облачком красного дыма. Бумажный журавлик, до этого бывший неживым предметом, вдруг открыл клюв и проглотил дым, после чего вылетел в окно, словно указывая им путь.

— Ся Гухань, пошли, — крикнул Ся Гуцзян и первым сбежал вниз по лестнице.

Ся Гухань не сдвинулся с места. Он посмотрел на Гу Цзиньняня и предложил с надеждой в голосе:

— Старый призрак, может, ты с Ся Гуцзяном пойдёшь, а я дома посплю?

Гу Цзиньнянь молча и решительно поднял его на руки и понёс вниз.

— ...

— Отпусти, я сам могу идти.

Хоть он и был ленив и не особо стеснителен, но это касалось только моментов, когда они были наедине со старым призраком. Если Ся Гуцзян это увидит, где будет его авторитет старшего брата?

Услышав его, Гу Цзиньнянь опустил его на пол, и они вышли вместе.

Когда человек и призрак подошли к выходу из переуллка, Ся Гуцзян уже поймал такси.

— Куда ед... — начал было водитель.

Не успел он закончить вопрос, как Ся Гуцзян щёлкнул пальцами у него перед глазами. Взгляд водителя тут же стал пустым, как у марионетки.

— Следуй за тем бумажным журавликом, — приказал Ся Гуцзян.

— Хорошо, — ответил водитель.

Машина тронулась, направляясь к горе Цюньсян.

Минут через двадцать такси уже ехало по извилистой горной дороге.

Проезжая мимо одной из вилл, Ся Гухань внезапно выглянул в окно.

У ворот виллы стояла маленькая девочка в красном. В руках она держала чёрную кошку. Почувствовав на себе взгляд Ся Гуханя, девочка вздрогнула.

Ся Гухань отвёл взгляд и, снова прислонившись к плечу Гу Цзиньяня, закрыл глаза, притворяясь спящим, будто ничего не произошло.

Гу Цзиньянь посмотрел на него сверху вниз и слегка подвинулся, чтобы Ся Гуханю было удобнее.

Машина быстро скрылась за поворотом горной дороги.

Девочка в красном перед виллой нежно погладила вздыбленную шерсть чёрной кошки, успокаивая её и, кажется, саму себя:

— Всё в порядке, у них нет злых намерений.

Прошло ещё десять минут.

Бумажный журавлик остановился перед одной из вилл. Таксист почти одновременно с ним нажал на тормоз, и машина плавно остановилась у ворот.

Прежде чем выйти, Ся Гуцзян похлопал водителя по лбу и тихо сказал:

— Возвращайся.

Затем он сунул купюру в сто юаней в карман водителя и вышел из машины.

Такси развернулось и поехало вниз по горе.

Спустившись, водитель словно очнулся ото сна, но, как ни в чём не бывало, поехал дальше, подбирая новых пассажиров и продолжая работать. Только нащупав в кармане купюру, он озадаченно нахмурился, не понимая, когда успел положить туда сто юаней. Поездки на гору Цюньсян он совершенно не помнил.

Это была вилла в китайском стиле, величественно стоявшая на склоне горы.

За воротами раскинулся большой сад. Пышно цвели лотосы, их бутоны, словно стройные девы, гордо возвышались над широкими листьями, соревнуясь в красоте. Но при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что края лепестков уже почернели и слегка скрутились, испуская лёгкий чёрный туман.

Под листьями лотоса клубились тёмные тени. Вода поблескивала, и казалось, что из неё вот-вот что-то выпрыгнет.

Зелёные деревья, красные цветы — всё это должно было создавать картину неопишуемой красоты.

Но, войдя сюда, Ся Гухань и его спутники сразу почувствовали какую-то неправильность.

Неправильность, переходящую в жуть.

Несмотря на ясный день, вилла казалась отрезанной от мира, и солнечные лучи не проникали сюда. Воздух был тяжёлым и плотным, словно при каждом движении приходилось прорываться сквозь водяную завесу, что делало ходьбу крайне затруднительной.

— Это место не похоже на жилище людей, — не удержался от бормотания Ся Гуцзян, идя по крытой галерее.

Не то что обычные люди, даже небесные мастера, прожив здесь недолго, почувствовали бы, как их жизненные силы иссякают под натиском всепроникающей энергии инь и обиды.

Ся Гухань лениво зевнул, соглашаясь со словами Ся Гуцзяна.

В огромной вилле не чувствовалось ни малейшего признака жизни.

Двое людей и один призрак шли и шли. Миновав крытую галерею, они ещё не дошли до главного зала, как услышали отчаянные, полные агонии крики.

— Там! — Ся Гуцзян ускорил шаг и бросился вперёд.

Ся Гухань, немного подумав, последовал за ним.

Главный зал виллы сейчас представлял собой картину полного хаоса. Мужчина средних лет лежал у входа, уже бездыханный. Он застыл в позе, будто пытался выползти наружу, но на спине у него зияла огромная дыра. За ним тянулся длинный след запекшейся чёрной крови.

Посреди зала была начертана Формация пленения духа. Сложные линии мерцали ослепительным светом. Внутри была заперта Сюй Ся. Её иссиня-чёрные, словно водопад, волосы двигались сами по себе, хотя ветра не было.

Она стояла на коленях посреди массива, её мертвенно-бледное лицо исказила гримаса ярости. Из горла вырывался хриплый рёв. В её абсолютно чёрных глазах бушевало кроваво-красное пламя, наполненное ненавистью и гневом.

Духовная энергия формации обратилась в нити, туго опутавшие Сюй Ся. Несколько нитей, словно обладая собственным сознанием, устремились к её глазам, намереваясь вырвать их.

Из угла внезапно выполз человек и бросился к Ся Гуханю.

К счастью, тот среагировал достаточно быстро и отступил на шаг, избежав столкновения. Иначе тот вцепился бы ему в ногу.

Ся Гухань опустил взгляд и увидел Чжоу Чжицяна.

— Хозяин, спасите меня! Спасите! — Чжоу Чжицян рыдал, его лицо было мокрым от слёз и соплей. Он дрожал как осиновый лист, на лице не было ни кровинки. — Хозяин, если вы спасёте меня, я... я отдам вам все свои сбережения!

Ся Гухань на полном серьёзе обдумал предложение и согласился.

— Хорошо.

Для Чжоу Чжицяна эти два слова прозвучали как указ о помиловании. Он почувствовал, как земля наконец-то обретает твёрдость под ногами.

Если бы он знал, что, приехав с Сюй Ся в дом Ван Хэнцая, столкнётся с таким, он бы ни за что не осмелился на это, даже если бы у него было сто жизней.

Ранее, когда он и Сюй Ся вошли в виллу, они увидели Ван Хэнцая, ожидавшего в главном зале.

Сюй Ся, увидев его, с обворожительной улыбкой подошла к нему. Ван Хэнцай тут же потерял голову и обнял её.

Но в следующее мгновение всё изменилось. Рука Сюй Ся, лежавшая на талии Ван Хэнцая, сместилась к его спине, и она с силой вырвала его сердце.

Чжоу Чжицян, ставший свидетелем этой сцены, онемел от ужаса. Он хотел бежать, но ноги, словно прикованные, не двигались с места.

Неизвестно почему, но Ван Хэнцай, лишившись сердца, всё ещё был жив. Весь в крови, он пополз к двери, его глаза были полны страха и надежды. Он хрипел, кашляя кровью, но не переставал звать на помощь:

— Мастер... спасите... меня!

Однако мастер, на которого он уповал, так и не появился. Пальцы Ван Хэнцай коснулись порога, и он испустил дух.

Его широко раскрытые глаза уставились прямо на Чжоу Чжицяна.

Тот, парализованный ужасом, рухнул на пол. Спустя долгое время он наконец обрёл немного сил и, ползком, спрятался в углу.

Убив своего врага, Сюй Ся не выглядела удовлетворённой. Она уже почувствовала неладное.

Обычно рядом с Ван Хэнцаем находилось что-то очень сильное, и она не могла к нему приблизиться. Сегодня она приготовилась к тому, чтобы погибнуть вместе с ним, но до самого момента убийства Ван Хэнцай это «что-то» так и не появилось.

Сюй Ся поняла, что это ловушка, и хотела уйти, но под ногами внезапно возникла странная энергия.

Тонкие нити опутали её, не давая сдвинуться с места.

Так и возникла картина, которую увидели вошедшие Ся Гухань и его спутники.

Но кое-чего Ся Гуцзян не понимал.

Он посмотрел на Ся Гуханя и спросил:

— Ты что-то сделал?

Он предполагал, что призрачный гу достиг самой важной стадии создания, и обида Сюй Тинсянь стала ключевым компонентом. Те люди заманили Сюй Ся сюда, чтобы отделить от неё обиду Сюй Тинсянь. Но прошло столько времени, а они лишь заставили Сюй Ся принять свой истинный облик, но с её глазами ничего сделать не могли.

— Я ничего не делал, — покачал головой Ся Гухань. — Это всё сила одержимости.

Одержимость могла превратить Сюй Ся в кровожадного свирепого призрака.

Но она же могла стать и могучей силой, защищающей её от вреда.

Если уж на то пошло, то Ся Гухань действительно кое-что сделал: он лишь немного усилил одержимость Сюй Тинсянь желанием защитить свою сестру. Поэтому Формация пленения духа не могла лишиться Сюй Ся глаз. Если бы эти глаза были насильно отняты и использованы для создания призрачного гу, жизнь Сюй Ся тоже подошла бы к концу.

Ся Гуцзян всё понял.

Он хотел было что-то сказать, но небо внезапно потемнело.

Тьма нахлынула мгновенно, поглотив весь мир.

Вода в искусственном озере в саду забурлила, и то, что пряталось под водой, начало выползать на поверхность.

Под покровом тьмы они бесшумно пробрались в главный зал виллы.

В мёртвой тишине отчётливо слышался липкий, чавкающий звук, от которого по коже пробегали мурашки.

Не глядя, Ся Гухань знал, где находится Гу Цзиньянь. Он ткнул его в руку.

— Старый призрак, твоя очередь? — в его голосе не было ни капли напряжения.

Гу Цзиньянь сделал шаг назад.

— ...

Хм, опять этот знакомый шаг назад.

— Почему всегда я должен работать? — недовольно пробормотал Ся Гухань. Он раскрыл ладонь, и на ней бесшумно сконденсировался хлыст из духовной энергии.

Почти одновременно раздался тихий свист воздуха, и распространился влажный пар. Нечто приблизилось. Только тогда Ся Гухань разглядел, что это было.

Скользкий, липкий язык, от которого исходил отвратительный запах сточной канавы.

Ся Гухань мысленно отдал приказ, и хлыст метнулся вперёд.

Не успел липкий язык коснуться Ся Гуханя, как его обвил духовный хлыст. Раздалось шипение, и он сгорел дотла.

За это время Ся Гуцзян успел привыкнуть к темноте.

Увидев, что творится вокруг, он покрылся гусиной кожей.

— Чёрт, что это за дрянь!

Пол был усеян жабами. Каждая размером с младенца, их тела были покрыты гноящимися наростами, и каждый нарост напоминал человеческое лицо.

Даже если бы эти жабы не нападали, одно их присутствие вызывало тошноту, а тут их была целая кишашая масса.

— Ква-а...

— Ква-а...

Мёртвая тишина сменилась оглушительным кваканьем. Жабы создавали звуковую волну.

Чжоу Чжицян, оказавшись в эпицентре, почувствовал, как его голова раскалывается от боли, будто кто-то стучит по ней молотком. Не выдержав, он рухнул на пол, обхватив голову руками.

В этот момент к нему метнулся липкий язык, готовый поглотить его. Но ему навстречу вылетел талисман, и столкнувшись, они взорвались с оглушительным грохотом, уничтожив и язык, и жабу.

Ся Гуцзян в несколько прыжков оказался рядом, схватил Чжоу Чжицяна и швырнул его в сторону Формации пленения духа. Чжоу Чжицян был обычным человеком, и формация не причинила бы ему вреда, зато защитила бы от жаб.

Когда Чжоу Чжицян пришёл в себя, он столкнулся взглядом с мертвенно-бледным, искажённым от ярости лицом Сюй Сяя. Он не смог выдержать этого зрелища, его глаза закатились, и он потерял сознание.

Тем временем Ся Гуцзян, словно не жалея денег, швырял талисманы один за другим. Треск и

хлопки разносились по залу, словно взрывы петард, превращая жуткую и мрачную картину в нечто праздничное.

Только...

— Почему мне кажется, что твои талисманы выглядят знакомо? — спросил Ся Гухань.

Ся Гуцзян, взорвав очередную жабу, ответил:

— Взял из ящика прилавка. Ты ведь их рисовал? Отлично работают.

Ся Гухань вспомнил. Талисманы в ящике прилавка были бракованными, с теми или иными дефектами. Он рисовал их и, не глядя, бросал туда.

Поняв это, Ся Гухань тут же отступил на шаг назад, полностью предоставив поле боя Ся Гуцзяну.

Гу Цзиньнянь бросил на него вопросительный взгляд.

— Я нарисовал талисманы, так что я тоже внёс свой вклад, — улыбнулся Ся Гухань.

А значит, теперь можно с чистой совестью лениться.

— ...

— ...

Ся Гуцзян чуть не споткнулся и не упал в кучу жаб. К счастью, он вовремя удержал равновесие, выхватил из кармана ещё горсть талисманов и швырнул их вперёд.

Через несколько минут талисманы у Ся Гуцзяна почти закончились, но и жабы были почти все уничтожены.

Весь главный зал и крытая галерея наполнились невыносимой вонью.

Ся Гуцзян достал из кармана ещё один талисман и с гордостью сказал:

— Это новейшая разработка Сяоми — талисман устранения запахов. Не думал, что он так скоро пригодится.

Жёлтый бумажный талисман вспыхнул в его ладони, и в воздухе разлился властный цветочный аромат, мгновенно перебивший вонь жаб.

Но, вдохнув этот аромат, Ся Гуцзян перестал улыбаться.

Ся Гухань же холодно усмехнулся:

— Лучше бы не жёг.

Ся Гуцзян тоже был в растерянности. Он смущённо попытался оправдаться:

— Сяоми мне не сказала. Откуда мне было знать, что это запах цветов фотинии.

Властный аромат фотинии заполнил весь зал.

Ся Гуцзян, чувствуя себя всё более неловко, предложил:

— Может, я сожгу ещё один?

— А ты уверен, что в этот раз запах будет нормальным? — возразил Ся Гухань.

Вспомнив тёмное прошлое Сяоми, Ся Гуцзян промолчал.

В конце концов, это цветочный аромат. Попривыкнем. Успокоил себя Ся Гуцзян и, стараясь подавить дискомфорт, сменил тему:

— Среди них есть мастер гу.

Призрачный гу ещё можно было списать на то, что какой-то небесный мастер действовал по инструкции, но жабы, которых они только что видели, мог контролировать только настоящий мастер гу.

Эти жабы были специально выведены и являлись одним из видов гу-насекомых. Если бы талисманы Ся Гуханя не взрывали их, а просто убивали, другие жабы съели бы их трупы и стали бы сильнее.

Бой не закончился бы так быстро.

Вся вилла всё ещё была погружена во тьму, но это ничуть не мешало Ся Гуханю и Ся Гуцзяну. Они двигались в темноте, как по ровной земле, и через несколько шагов оказались перед Формацией пленения духа.

Формация, естественно, не представляла для Ся Гуханя никакой проблемы. Но он не стал её разрушать, а наложил поверх неё ещё один барьер, мгновенно изменив природу формации. Пленение превратилось в защиту, обеспечив безопасность Сюй Ся и Чжоу Чжицяна.

Лишившись давления массива, Сюй Ся постепенно пришла в себя. Она встала и глубоко поклонилась Ся Гуханю.

Теперь она в полной мере осознала, насколько сильны её враги. Без Ся Гуханя она не только не смогла бы отомстить, но и сама погибла бы.

Ся Гухань отстранился.

— Это всего лишь сделка, — сказал он.

После этого, когда всё будет оплачено, они ничего не будут должны друг другу.

Обеспечив безопасность Сюй Ся и Чжоу Чжицяна, Ся Гухань продолжил двигаться вглубь виллы.

Те люди прятались здесь и наблюдали за всем происходящим.

Они, возможно, удивились их появлению, но точно не испугались. Ведь для призрачного гу они были ценным питанием.

Это была группа безумцев, которые никогда не откажутся от дармового корма.

Как и сказал Ся Гуцзян, среди них был мастер гу. По пути им постоянно встречались стаи гунасекомых, пытавшихся напасть на них. Были и огромные, отвратительные, как те жабы, и мелкие, незаметные, как муравьи.

Но всё это не могло остановить Ся Гуханя и Ся Гуцзяна. Следуя по оставленному небесными мастерами следу, двое людей и один призрак неуклонно продвигались вперёд.

Проблуждав по вилле около получаса, Ся Гуцзян нашёл потайной ход.

Проход был извилистым и вёл вниз, в неизвестность.

Неизвестно, сколько они шли, но наконец достигли конца.

В конце прохода была каменная дверь, сейчас она была широко распахнута, словно приглашая войти в ловушку.

Ся Гуцзян взглянул на Ся Гуханя. Увидев, что тот без колебаний вошёл в тайную комнату, он последовал за ним.

Комната была просторной. С потолка свисала тускло-красная лампа, окрашивая всё в кровавый цвет. Вдоль стен стояли полки, похожие на антикварные, уставленные глиняными горшками.

Ся Гухань окинул комнату взглядом.

Он отчётливо чувствовал исходящую от горшков энергию инь и ша. Если он не ошибался, в каждом горшке был запечатан свирепый призрак.

В комнате было трое. Ся Гухань не нашёл их незнакомыми.

Фан Инянь и два его ученика, Бай Юанькан и Цюй Чжэнь.

В этот момент Бай Юанькан сидел в центре комнаты, а на его ладони лежал кусок безупречного белого нефрита.

Но безупречным он казался лишь на первый взгляд.

В глазах Ся Гуханя этот нефрит был пропитан кровью, окутан чёрным туманом, и из него тянулись бесчисленные руки, пытаясь вырваться на свободу.

Фан Инянь и Цюй Чжэнь стояли по бокам от Бай Юанькана, словно два стража.

Увидев, что вошли только Ся Гухань и Ся Гуцзян, Фан Инянь несколько удивился. Он думал, что за ними стоит кто-то сильный. Но, судя по всему, это были только они двое.

Фан Инянь не верил, что Ся Гухань и Ся Гуцзян в столь юном возрасте могли достичь больших высот в искусстве заклинаний. Он решил, что это два молокососа из знатных семей, которые, полагаясь на артефакты, подаренные старшими, возомнили себя всемогущими.

Как и думал Ся Гухань, их появление, кроме удивления, не вызвало у Фан Иняня никаких других чувств.

Он использовал Формацию сбора Инь, чтобы запереть Ся Гуханя и его спутников, лишь на всякий случай. Фан Инянь не хотел, чтобы его отвлекали во время создания призрачного гу. Он также хотел этим предупредить их, чтобы не лезли не в своё дело.

То, что они так быстро разрушили формацию, несколько вышло за рамки его ожиданий. Но то, что они, проигнорировав его предупреждение, пришли сюда, лишь укрепило его в мысли, что это два высокомерных отпрыска из знатных семей, не знающих жизни.

Фан Инянь презрительно усмехнулся.

— Раз уж пришли, то оставайтесь.

Он преподаст им хороший урок от имени их старших. К тому же, раз уж обиду Сюй Тинсянь не удалось вернуть, он использует души этих двух молокососов, чтобы напитать своего призрачного гу.

Фан Инянь мысленно отдал приказ, и горшки на полках начали сильно трястись. Печати на них ослабли, и мощный поток энергии инь и ша хлынул из них.

Печать на одном из горшков порвалась первой. Из горлышка показалась иссохшая, костлявая рука, и изнутри кто-то выполз.

Где один, там и два. Всё больше и больше свирепых призраков выползало из горшков. Температура в комнате резко упала, словно наступила лютая зима.

Вскоре тесная комната была забита призраками.

Они долго голодали и, выбравшись на свободу, тут же нацелились на Ся Гуханя и Ся Гуцзяна.

Но те, на кого они нацелились, нисколько не волновались.

Ся Гуцзян, дрожа от пронизывающего холода, протянул руку к Ся Гуханю.

— Брат, дай талисман палящего солнца. Я знаю, у тебя есть.

Ся Гухань с детства был холоден телом, и первым талисманом, который он научился рисовать, был талисман палящего солнца. Хотя он привык к своему холодному телу, привычка носить с собой талисман палящего солнца осталась.

Этот обычай сохранился до сих пор. Услышав просьбу Ся Гуцзяна, он достал из кармана талисман и протянул ему.

— Двести девяносто восемь. По-дружески — двести пятьдесят, — добавил он.

— ...

— Ладно. — Но что это за цена такая — двести пятьдесят? Намекает, что он дурак? Ся Гуцзян не поддался на провокацию и с показной щедростью сказал: — Не надо двести пятьдесят, я тебе потом триста переведу!

Ся Гухань самодовольно улыбнулся.

— ...

Чёрт, стоило ли так из-за двух юаней?

Вытянув из Ся Гуцзяна два лишних юаня, Ся Гухань с удовлетворением посмотрел на Гу Цзиньняня.

— Угощаю.

Столько призраков — Гу Цзиньняню хватит наесться до отвала.

Гу Цзиньнянь не двинулся с места. Он знал Ся Гуханя, за этим последует что-то ещё.

И действительно, Ся Гухань широким жестом указал на призраков.

— Угощение перед тобой, ешь сам.

Если можно уклониться от работы, он найдёт любой предлог.

Гу Цзиньнянь усмехнулся. На этот раз он не стал отступать, а положил руку на голову Ся Гуханя и повернул его в сторону Бай Юанькана.

— Хорошо, я поем. А ты разберись с этим.

Когда Ся Гухань и его спутники вошли в тайную комнату, создание призрачного гу было почти завершено. Не хватало лишь энергии обиды Сюй Тинсянь.

Теперь, без обиды Сюй Тинсянь, призрачный гу не был завершён, но по неизвестной причине он вышел из-под контроля. Бай Юанькан не смог его удержать, и гу вырвался из нефрита.

Ранее Ся Гуцзян видел проекцию призрачного гу у Фань Тяньхао — это был огромный шар, состоящий из бесчисленных человеческих лиц. За эти дни создания он полностью изменился и начал принимать человеческую форму.

Единственным отличием от человека было то, что на шее у него было три головы. Если бы Ся Гухань и его спутники следили за миром шоу-бизнеса, они бы узнали в этих головах бывших знаменитых артистов «Звёздный свет Энтертейнмент».

Сейчас три головы рвали друг друга, в них уже не осталось ничего человеческого. В их глазах две другие головы были конкурентами. С самого момента помещения в сосуд их единственным инстинктом было убить других призраков в нём.

Но Ся Гухань быстро заметил, что, хотя три головы и рвали друг друга, они уже выдохлись.

Именно поэтому Фан Инянь так отчаянно хотел вернуть обиду Сюй Тинсянь.

Обида из того же источника могла вызвать у призраков в гу чувство кризиса и пробудить в них ярость.

Но до определённой степени. Эти дерущиеся призраки, устав, останавливались и мирно сосуществовали некоторое время, пока в инкубатор не добавляли новую порцию обиды или призрака из того же источника.

Они пренебрегали обидой или призраками из других источников. Только после полного завершения призрачный гу начинал поглощать любую другую обиду и души.

У мастеров гу в Мяоцзяне был обычай помещать ядовитых насекомых в один сосуд, заставляя их пожирать друг друга. Последнее выжившее насекомое становилось королём гу. Создание призрачного гу было похоже на создание гу, но с более строгими условиями. Эта строгость заключалась в том, что нужно было использовать обиду или призраков из одного источника.

«Звёздный свет Энтертейнмент» был для призрачного гу огромным инкубатором. Все артисты, подписывая контракт с компанией, вероятно, подписывали и некий договор, содержащий какой-то медиум.

Этот медиум незаметно связывал всех артистов, а затем, подвергая их одинаковым мучениям, заставлял их умирать с обидой и становиться свирепыми призраками.

Из-за этой связи обида, возникающая после смерти артистов «Звёздный свет Энтертейнмент», была из одного источника.

Фан Инянь и его сообщники, должно быть, давно знали, что душа Сюй Тинсянь исчезла, а её обида привязалась к кому-то другому. Они не стали её сразу возвращать, потому что хотели,

чтобы обида Сюй Тинсянь стала сильнее, чтобы создать более могущественного призрачного гу.

Что до тех, на кого охотилась Сюй Тинсянь?

Они были лишь пешками в руках Фан Иняня. Призрачный гу был почти готов, и такие, как Ван Хэнцай, ассистент Чэнь и Ци Чжэньюнь, стали бесполезны. Их смерть от рук Сюй Ся стала их последним вкладом.

На губах Ся Гуханя появилась саркастическая усмешка. Люди, которые относятся к чужим жизням как к траве, никогда не пощадят и своих, когда придёт время. Когда нужно, такие люди без колебаний нанесут удар своим же.

Пока он размышлял, трёхголовый призрачный гу в результате взаимной борьбы стал двуглавым.

Боевой дух двуглавого гу был невысок. Они кусали друг друга, а затем поворачивались, чтобы поймать находящихся рядом призраков. Они не ели их, а играли с ними, как кошка с мышкой.

Ся Гуханю даже не пришлось вмешиваться. Незавершённый призрачный гу не проявлял интереса к внешнему миру, если только его не понуждал материнский гу. Только тогда у него появлялась чёткая цель для атаки.

Но Бай Юанькан, похоже, не ожидал, что призрачный гу внезапно вырвется из нефрита, и на мгновение растерялся.

Когда он пришёл в себя, хлыст из духовной энергии уже летел к одной из голов двуглавого гу.

Быть съеденным или быть сбитым — эффект совершенно разный. В первом случае он станет сильнее, во втором — вернётся на исходную.

Бай Юанькан тут же очнулся и, используя материнский гу в своём теле, отдал приказ двуглавному гу. В следующую секунду вялый двуглавый гу внезапно стал свирепым. Две головы одновременно оскалили острые клыки и бросились на Ся Гуханя, уклонившись от атаки хлыста.

Промახнувшись, Ся Гухань был вынужден отозвать хлыст. Видя, что двуглавый гу вот-вот набросится на него, хлыст на полпути изменил форму, превратившись в барьер. Двуглавый гу врезался в него, и, как осьминог на раскалённой сковороде, зашипел.

Призрачный гу не обладал разумом и подчинялся лишь приказам материнского гу. Если приказ не отменён, он будет продолжать двигаться вперёд.

Наткнувшись на барьер, двуглавый гу не отступил, а с рёвом пытался проломить его, чтобы разорвать Ся Гуханя на куски.

Духовная энергия барьера была текучей. По велению Ся Гуханя один барьер превратился в шесть, образовав куб, в котором был заперт двуглавый гу. Как бы Бай Юанькан ни понуждал его, он не мог выбраться, а лишь, как слепая муха, метался из стороны в сторону.

Изменение с двуглавым гу произошло слишком быстро, так быстро, что Фан Инянь и Цюй Чжэнь не успели среагировать.

Учитель и ученик вместе управляли призраками, атакуя на Ся Гуцзяна. Они думали, что столько призраков с лёгкостью справятся с двумя молокососами, но по какой-то причине призраки, не успев даже коснуться одежды Ся Гуцзяна, один за другим вспыхивали голубым пламенем и исчезали.

Они не только не могли навредить Ся Гуцзяну, но и позволили Ся Гуханю разобраться с призрачным гу.

Что ещё больше шокировало Фан Иняня, так это то, что Ся Гухань мог материализовать духовную энергию, делая с ней всё, что ему заблагорассудится.

Кто эти двое? Как у них может быть такой могущественный артефакт!

Да, даже сейчас Фан Инянь не верил в силу Ся Гуханя и Ся Гуцзяна, упрямо считая, что всё это заслуга артефакта.

В глазах Фан Иняня промелькнула жадность. Он должен заполучить артефакты этих двоих!

Его взгляд помрачнел.

Стоит съесть ещё одну голову, и призрачный гу будет по-настоящему завершён. С обидой Сюй Тинсянь создание гу было бы делом времени, но сейчас...

Значит, он не виноват, что будет жесток.

Фан Инянь повернулся и взял с антикварной полки позади себя меч из персикового дерева. Тускло-красный свет лампы отбросил на его лицо тень.

Он крепче сжал рукоять меча и решительно обернулся.

Цюй Чжэнь был сосредоточен на управлении призраками, Бай Юанькан — на двуглавом гу.

Никто из них не заметил действий Фан Иняня.

Или, вернее, Цюй Чжэнь и Бай Юанькан полностью доверяли своему наставнику.

Особенно Бай Юанькан. Он был сиротой, Фан Инянь усыновил его и научил искусству небесных мастеров. Он относился к Фан Иняню с благоговением и сыновней любовью и никогда бы не подумал, что тот может причинить ему вред.

В итоге именно это доверие и погубило Бай Юанькана.

Когда меч из персикового дерева пронзил его сердце, Бай Юанькан сначала почувствовал не физическую боль, а всепоглощающее неверие и шок, которые затмили телесные страдания.

Он широко раскрыл глаза, с недоумением глядя на человека перед собой.

Наставник, который всегда смотрел на него с отеческой любовью, сейчас смотрел на него с ледяным холодом и безумной решимостью в глазах.

Под этим безумием скрывалось какое-то возбуждение и трепет.

Словно тот, кого он пронзил мечом, был не учеником, которого он вырастил, а заклятым врагом.

Бай Юанькан схватился за меч, вонзившийся ему в грудь. Он чувствовал, как тёплая кровь стекает по его рукам, образуя лужу на полу. Он впился взглядом в этого человека, который был ему как отец, и с трудом выговорил:

— Наставник... по... почему?

— Потому что ты — настоящий инкубатор.

Не дожидаясь ответа Фан Иняня, в тайной комнате раздался ясный голос Ся Гуханя.

Услышав это, Бай Юанькан повернул голову. Его взгляд постепенно тускнел, сознание угасало. Он из последних сил прикусил язык, чтобы вернуть себе крупицу ясности, и упорно искал последний ответ.

— Ты — тело чистой инь, идеальный сосуд для выращивания призрачного гу, — пока он был ещё в сознании, Ся Гухань решил просветить его.

Бай Юанькан всегда питал призрачный гу своей сердечной кровью. Он думал, что нефрит —

это инкубатор, но на самом деле он сам был материнским телом для гу.

Как только призрачный гу будет завершён, он проникнет в тело Бай Юанькана, поглотит его душу и займёт его место.

Тело чистой инь — лучший донор для призрачного гу и идеальное материнское тело.

Когда Фан Инянь усыновил Бай Юанькана, он, вероятно, уже знал о его теле чистой инь и с самого начала всё это спланировал.

Если бы призрачный гу мог быть завершён прямо в нефрите, а затем проникнуть в тело чистой инь, то он стал бы невероятно могущественным. Даже небесный мастер шестого уровня, вероятно, не смог бы с ним сравниться.

Появление каждого такого призрачного гу означало бы катастрофу для мира людей.

Какая там отеческая любовь — всё это было лишь циничным использованием.

Правда оказалась такой жестокой.

Сознание Бай Юанькана постепенно угасало, его сердце наполнилось обидой на Фан Иняня.

Фан Инянь же не чувствовал ни малейшего раскаяния. Наоборот, он становился всё более возбуждённым. Чем сильнее Бай Юанькан его ненавидел, тем мощнее будет его предсмертная обида, что было для него и для призрачного гу только на пользу.

Он был так поглощён Бай Юаньканом, что не заметил, как аура двуглавого гу, запертого в стене из духовной энергии, слабеет вместе с Бай Юаньканом.

Цюй Чжэнь заметил это, но, вспомнив, как Фан Инянь без колебаний вонзил меч в Бай Юанькана, не проронил ни слова.

Сегодняшняя участь Бай Юанькана — это его, Цюй Чжэня, завтрашняя. Нет, он должен был понять это ещё тогда, когда Фан Инянь хладнокровно наблюдал за смертью Ван Хэнцяя и остальных.

Фан Инянь давно перестал быть человеком. Для достижения своей цели он готов пожертвовать кем угодно!

Бай Юанькан наконец испустил дух.

Время пришло!

Ся Гухань сложил печать. Шесть стен из духовной энергии резко сжались в шар, намертво заперев в нём двуглавого гу.

Левой рукой он выбросил шесть талисманов яростной молнии. Талисманы образовали кольцо вокруг шара из духовной энергии.

— Взрыв!

Раздался оглушительный грохот. Шесть талисманов взорвались одновременно, вызвав взрыв и шара из духовной энергии.

Двуглавый гу, запертый внутри, взорвался вместе с ним, превратившись в чёрное пламя, яростно пылающее в воздухе.

Взрыв произошёл в мгновение ока. Когда Фан Инянь опомнился, аура призрачного гу уже полностью исчезла.

Как истинный владелец материнского гу, Фан Инянь почувствовал, будто ему нанесли удар тупым предметом в сердце. Из рта хлынула кровь.

Он отчётливо ощутил, что его связь с призрачным гу полностью разорвана.

— Как это возможно?

Фан Инянь ошеломлённо смотрел на чёрное пламя, пылающее в пустоте, не веря, что призрачный гу действительно уничтожен.

Но Ся Гухань, словно считая, что Фан Инянь пострадал недостаточно, усмехнулся:

— Я-то думал, это какой-то крутой мастер гу, а оказалось — просто дилетант. Зря только время потратил.

Пришедший в себя после шока, Ся Гуцзян тут же поддакнул:

— И в чём же дело? Мне так интересно!

— ...

Не обязательно так переигрывать.

Ся Гухань, поморщившись, продолжил:

— Бай Юанькан — материнское тело для призрачного гу, а сам гу — дочернее тело. Убийство материнского тела, конечно, может ускорить создание гу, но в момент смерти материнского тела дочернее тело переживает самый уязвимый период, пока полностью не преобразует обиду материнского тела. Только тогда оно по-настоящему завершено.

Редко когда он говорил так много. Закончив, Ся Гухань запыхался и, почувствовав усталость, подошёл к Гу Цзиньняню и прислонился к нему.

Старый призрак только что съел немало призраков. В тот момент, когда Ся Гухань прислонился к нему, он приложил ладонь к его руке, и тёплая энергия потекла в тело Ся Гуханя, смывая усталость.

М-м-м, хорошо.

Ся Гуцзян быстро уловил суть.

— А-а, — хихикнул он. — Значит, Фан Инянь сам подставился? Это что же получается, самоубийство?

— Можно и так сказать.

— ...

Только теперь Фан Инянь понял, что с самого начала угодил в ловушку, расставленную Ся Гуханем. Ся Гухань шаг за шагом вёл его к этому.

Он посмотрел на Ся Гуханя, уже не смея недооценивать этого юношу, и в его глазах промелькнул ужас.

— Кто ты такой?

— Я твой папа, — улыбнулся Ся Гухань.

— ...

Фан Инянь не выдержал, снова закашлялся кровью и рухнул без сознания.

Ся Гуцзян показал ему большой палец и достал из кармана ещё один талисман.

— Надо это отпраздновать. Это новый талисман-хлопушка, разработанный Сяоми. С ним на Новый год и петарды не нужны.

Не успел он договорить, как красный талисман-хлопушка в его руке загорелся, и по тайной комнате разнёсся треск, совсем как от настоящих петард. Очень празднично и весело.

Вот только в комнате запахло не привычным порохом, а каким-то непонятным, едким запахом.

Ся Гухань безэмоционально посмотрел на Ся Гуцзяна.

— Почему хлопушки пахнут луосифэнь?

В животе Ся Гуцзяна тут же заурчало. Он потёр живот и, облизнувшись, сказал:

— Есть захотелось.

<http://bllate.org/book/13703/1586249>